

— Опять ты со своей палкой! Чем же тебе так не угодило нормальное оружие?

Прицокнул языком Фэн Су, поравнявшись с конём брата. Его собственный конь, словно переняв настроение хозяина, фыркнул, потряс лоснящейся гривой с мелкими тугими косичками и переступил копытами, подстраиваясь под чужой размеренный шаг.

Конь Фэн Ся шагал неспешно, будто бы горделиво, плавно раскачивая всадника, за ровной спиной которого возвышалось длинное копьё. Острое лезвие, начищенное до блеска, сверкало серебром в лучах рассветного солнца, бахромчатая кисточка цвета киновари мерно раскачивалась в такт шагам, поглаживая тенью прохладный после ночи песок. Фэн Ся усмехнулся, не отрывая прищуренного взгляда от горизонта.

— Если моя «палка» так плоха, что же твой «нормальный» меч никак не может сразить её в честном бою?

Фэн Су так возмутился, что слюна комом встала у него поперёк горла.

— Тебе бы следовало устыдиться своих слов, гэгэ! Называть «нормальным» превосходное духовное оружие, носящее притом твоё же собственное имя. Что за неслыханная дерзость?!

Фэн Ся скользнул взглядом по рукояти меча, венчаемой головой феникса, на мгновение задержавшись на довольно кривых иероглифах. Не дожидаясь дозволения отца, Фэн Су сам высек их на мече, доведя при этом главного кузнеца почти до истерики. Каллиграфия его и без того оставляла желать лучшего, а тонкая филигранная работа и вовсе не была его сильной стороной — даром, что благородный княжеский сын. Когда кузнец, пеняя о сохранности драгоценного оружия, привёл их отца, было уже поздно. Меч получил своё имя и каким бы ненавистным оно ни было, исправление уже было недопустимо. В тот момент, казалось, даже языки пламени в печах замерли под тяжёлым, пристальным княжеским взглядом. Один Фэн Су даже бровью не повёл, рассматривая своё деяние с гордостью. Он, в общем-то, собаку съел на том, как посильнее насолить отцу.

— Что скажете, Ваше Высочество? — Ехидно спросил он, вертя в руках меч, пока раскалённые символы ярко горели, намертво сливаясь с рукоятью.

Но, ко всеобщему удивлению, Фэн У ничего не ответил. Лишь злобно поиграл желваками и на несколько дней впал в глубокую молчаливую задумчивость. Такую, что весь дворец ходил на цыпочках, опасаясь любым движением превратить молчание в кровопролитие. А потом распорядился отослать обоих сыновей на ночную охоту, приказав не возвращаться по меньшей мере месяц.

— С глаз долой, — процедил он сквозь зубы, и все выдохнули, ожидая чего похуже.

Фэн Ся не испытывал ни гордости, ни раздражения за поступок брата. Ни одно из его имён, на самом деле, не представляло для него ценности. И если отец был предельно прямолинеен,

нарекая его; то, что же имела ввиду мать, узнать уже не представлялось возможным[1].

— Неслыханная дерзость — это твои игры с огнём, из-за которых нам теперь придётся скитаться по пустыне, умирая от жары.

На самом деле, в глубине души ни один из них не считал это чем-то ужасным. Фэн Су тем сильнее радовался, чем дальше он находился от собственного отца. А Фэн Ся... Чтож, кровь матери-кочевницы была в нём довольно сильна. Жар охристых дюн манил его куда сильнее нефритовой прохлады дворца.

— Да брось. Сам же знаешь, срубить пару десятков голов какой-нибудь нечисти куда лучше, чем киснуть на скучных тренировках.

Фэн Су ловко перекрутился в седле, оказавшись лицом к следовавшему прямо за ними генералу, что восседал на коне так статно, будто за спиной у него целое вооружённое до зубов войско.

— Не в обиду вам, генерал Ю.

Ю Линг лишь закатил глаза. Какими бы несносными князь ни считал своих сыновей, смерти он им явно не желал. И потому, отправляя их скитаться по пустыне, в сопровождение дал самого надёжного человека. Генерал ничего не смыслил ни в заклинательстве, ни в какой-то там нечисти, но рука его была тверда — лучшая во всём княжестве, чтобы прямо за шкуру вытащить юных господ из любого сомнительного сражения.

Фэн Су, пребывая в прекрасном расположении духа, несвойственно много болтал и улыбочиво щурился солнцу — Ю Линг давно не видел его таким. Воодушевлённым юнцом, а не придавленным тяжестью пророчества наследным принцем.

— Лучше бы вам шустрее двигаться, если хотите добраться до первой деревни до того, как солнце будет в зените, — строго сказал он, уверенно выезжая вперёд.

И хотя момент отзывался теплом в сердце, Ю Линг всё ещё был наставником, а их путешествие не было праздной прогулкой.

Братья согласно кивнули и молча пришпорили коней.

К постоялому двору они добрались аккурат к началу самой знойной жары. Кони, измотанные солнцем и зыбкими песчаными тропами, благодарно заржали, опустив морды в корыто прохладной воды. Ю Линг, растирая по шее пот и колючий песок, заказал у худощавого хозяина с жидкой бородкой закуски и несколько чайников чая. Они не планировали

задерживаться здесь надолго — лишь переждать жару.

Конечно, Фэн У не просто так отправил своих сыновей в бесцельное странствие. Пожиная плоды кровавой резни с кочевниками, он регулярно получает послания из разбросанных по всей пустыне деревень и городов о набегах злобных духов и ходячих мертвецов. Тёмная энергия пропитала пески вместе с кровью убитых, которым в пылу войны не сильно-то удосуживались организовывать погребения или даже предавать тела огню. Занесло песком и дело с концом. Кочевники не строили крепких домов, жестокие песчаные бури разметали останки на тысячи ли, и теперь и не скажешь, какие города и деревни, буквально, стоят на костях, а какие смогли избежать печальной участи. Иногда мертвецов не много, иногда приходится заново истреблять целые полчища.

У Ю Линга был довольно чёткий маршрут. Они направлялись в весьма отдалённое поселение, отправившее с десяток писем с просьбами о помощи. По рассказам местного главы, нечисть изводила жителей каждую ночь, тела находили жестоко растерзанными. Местные смельчаки сбились в добровольный отряд, но все пропали без вести. Люди были в ужасе, уповая лишь на то, что помощь успеет добраться, пока не стало слишком поздно.

— Не сложновато ли поручение? — Спросил тогда Ю Линг у князя, сурово сведя брови. — Всё-таки, юные господа пока с трудом могут называться заклинателями.

Фэн У одарил склонивших головы сыновей жёстким взглядом. В своей злости он всегда был непреклонен.

— Пусть попытаются. А ежели окажется не по зубам, пришлите послание. Опытные заклинатели доберутся быстро.

Фэн Су и Фэн Ся тогда незаметно переглянулись и, не сговариваясь, решили, что лучше костями лягут, чем позволят отцу в дальнейшем их упрекнуть. Их переглядки, однако, не были такими уж незаметными. Ю Линг взмолился небесам и в тот же вечер набрал у Цин Юань, как он выражался, «кучу всякого заклинательского барахла».

По пути они должны были заехать ещё в несколько деревень и разобраться с более мелкими поручениями.

Одной из таких, как раз, была деревня, к которой им удалось добраться к позднему вечеру. Местный староста жаловался, что все колодцы, вдруг, пересохли и к этому, несомненно, имеет отношение какой-то злобный дух. Пока ещё никто не умер, но измождённые засухой жители, все, как один, рассказывают о зловещих завываниях со дна опустевших колодцев.

Однако, войдя в деревню, никто из них не увидел ни измождённых жителей, ни тени страха на их счастливых лицах. Жизнь в деревне кипела, дети смеялись, играя в вечерней прохладе и десятки круглобоких фонариков заливали улицу тёплым жёлтым светом.

— Не похоже, чтобы нас вообще тут ждали, — фыркнул Фэн Су, спешиваясь с коня. — Может, деревня не та?

Местные едва ли удостоили их беглыми взглядами, занимаясь собственными делами. Лишь дети восторженно рассматривали — и то, черногривые кони занимали их куда больше гостей в запыхавшихся с дороги доспехах.

Ю Линг нахмурился, сверился с посланием. Будучи человеком строгой воинской дисциплины, он знал, что подобные неожиданности не несут ничего хорошего.

— Ошибки быть не может, — наконец, сказал он, сворачивая письмо.

Человек, способный пролить свет на все странности, нашёлся довольно быстро. Деревня была оживлённой, но небольшой, и дом старосты с выжженной солнцем соломенной крышей находился прямо в центре. Староста, встретивший их на пороге, оказался мужчиной уважаемого возраста в бледно-розовой рубахе, бывшей когда-то красной, но выцветшей под нещадно палящим солнцем. Волосы и борода его затронулись сединой кусками и торчали в разные стороны, жёсткие и непослушные в условиях пустыни. Роста он был невысокого и походил на взъерошенного воробья, вдобавок испуганного поздними гостями. За пределами столицы не все знали в лицо княжеских сыновей, но любой более-менее смекалистый человек, легко мог бы догадаться, кто перед ним. Князя, в конце-концов, знали все. Не сложно было узнать его черты в юных господах — благородная медь в оттенке волос, выученная сызмальства благородная стать и жидкий янтарь во взгляде. А нахождение рядом прославленного генерала и вовсе отметало любые сомнения.

— Молодые господа Фэн! Генерал! — Запричитал староста, учтиво раскланиваясь. — Чем этот недостойный обязан вашему визиту?

Фэн Су скривился, будто проглотил целую миску пресной рисовой каши.

— Чем обязан? Не ты ли отправил послание, слёзно умоляя изгнать нечисть из пересохших колодцев?!

Фэн Су — истинный сын своего отца — унаследовал всю его вспыльчивость и имел склонность становиться совершенно несносным в моменты, когда что-то имело неосторожность нарушить его планы.

Староста вмиг сделался белее простыни и так широко распахнул глаза, что рисковал выронить их прямо на землю. Фэн Су усмехнулся — у него не было склонности доводить людей до иступления от ужаса, но когда что-то шло не по плану, это больше его забавляло, чем раздражало. В отличие от брата, он был истинным сыном своей матери — гибким и способным приспособиться к переменам.

Ю Линг же был выходцем из простого народа, семья его была довольно бедной и рубить с

плеча они не могли себе позволить. Глядя на бедного старосту, лицо которого уже начало покрываться бордовыми пятнами, он тяжело вздохнул.

— Первый молодой господин, давайте успокоимся. Думаю, мы сможем всё прояснить за чашкой чая.

Дом деревенского старосты был небольшим и явно не предназначался для приёма таких благородных господ, но в сложившихся обстоятельствах всем было не до жалоб.

— Я, действительно, отправлял послание. — Неуверенно заговорил староста, разливая чай по простым глиняным чашкам. Лицо его постепенно приобретало нормальный оттенок, но руки продолжали дрожать, грозясь облить кого-нибудь кипятком.

Ю Линг, сжалившись над мужчиной, молча забрал у него чайник. Староста благодарно, но немного вымученно улыбнулся, сложив руки на коленях.

— Но буквально два дня назад оно потеряло свою актуальность. Какой-то бродячий заклинатель неожиданно появился и решил нашу проблему.

Так уж повелось, что бродячие заклинатели на юге были редкостью. Причина ли тому жестокий нрав местного князя, кровавая слава которого идёт впереди него, или же палящее солнце, не располагающее к долгим прогулкам, но историй о них наберётся по пальцам одной руки посчитать. Ю Линг и Фэн Ся, не склонные к взрывным действиям, нахмурились.

— Что ещё за бродячий заклинатель?! — Возмутился Фэн Су, пылая гневом, что кто-то посмел лишить его возможности проявить себя.

— Не знаю, — запричитал староста, — странный какой-то. Пришёл в самый зной, весь в белом, просидел целый день в чайном доме, ведя праздные разговоры с жителями. А вечером обошёл колодцы, достал из своего мешочка какие-то деревяшки, покидал на дно и сказал, что к утру вода прибудет. И ушёл. Я и не поверил-то ему вообще, а оказалось, правду сказал. Мы все так обрадовались, что и послание не досуг было отправить.

— И как же звали этого заклинателя? — Заинтересованно спросил Фэн Ся, игнорируя злобное пыхтение брата сбоку.

Староста тяжело вздохнул, виновато склоняя голову.

— Имени своего он никому так и не назвал. Всё твердил «Бродяжка», да «Бродяжка». Все в итоге и плюнули до него допытываться.

Фэн Ся задумчиво отпил уже остывший чай. Яркая горчинка неприятно осела на языке. Одна мысль не давала ему покоя — странные заклинатели в белом посреди пустыни несут дурные

вести — такой была Цин Юань, принёсшая пророчество о крови и войне.

— И меч у него был странный, — после затянувшейся паузы, вдруг, вспомнил староста, — ножны такие резные, красивые, рукоять с тигром и фениксом...

...И всё...деревянное.

Комментарии и примечания:

[1] Имя, данное Фэн Ся матерью — Цзинь Хуа. «Цзинь» можно понимать по разному — в значении «золотой» или в словарном значении «стыдить». Отсюда и загадка, что же мать Фэн Ся имела ввиду: «Золотой цветок» или «Цветок стыда» (учитывая обстоятельства его рождения). В то время, как отец выражался прямо — «Ся» — ошибка. Кривотолков в понимании нет: Фэн Ся — «ошибка Феникса».

<http://bllate.org/book/14934/1323634>